

КЛАССИКА ЖАНРА

·Д·Е·Т·Е·К·Т·И·В·

ЗАПИСКИ О СЫЩИКЕ

НАТ ПИНКЕРТОН
И ДОМ СМЕРТИ

Записки о сыщике

Сборник

Нат Пинкертон и дом смерти

«Просвещение»

Сборник

Нат Пинкертон и дом смерти / Сборник — «Просвещение»,
— (Записки о сыщике)

Нат Пинкертон – знаменитый американский сыщик, прототипом которого послужил гениальный Алан Пинкертон – сыщик, открывший первое в мире частное детективное агентство. Написанные в начале XX века, рассказы о нем пользовались бешеной популярностью, и в настоящий сборник вошли самые захватывающие и жуткие детективно-уголовные истории.

Содержание

Дом смерти	5
Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	20
Натурщица-убийца	23
Глава I	23
Глава II	26
Глава III	30
Глава IV	34
Роковая поездка на санях	38
Глава I	38
Глава II	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нат Пинкертон и дом смерти

Дом смерти

Глава I

Несчастливая девушка

– Как, Лора не приехала?

– Нет, ведь я писала тебе, что она сильно захворала и теперь только начала поправляться.

– Но ты, однако, писала, что она уже встала с постели и даже выходила с тобой на прогулку?

– Да, но сегодня... Впрочем, о чем долго говорить, ну, не приехала и все тут!

Так беседовали брат и сестра, Эрих и Ильза Эринг, дети проживавшей в Нью-Йорке немецкой семьи.

Двадцатитрехлетний Эрих, студент Питтсбургского университета, только что прибыл в Нью-Йорк к своим родителям. Сестра приехала встречать его на вокзал, и теперь они шли по Пятой авеню, где помещался дом семьи Эринг.

Молодой человек был высокого роста, стройный, очень недурен собой; его открытое лицо, со светлыми, лихо закрученными усиками, производило симпатичное и приятное впечатление.

Рядом с ним сестра его Ильза выглядела очень миниатюрной, хотя обладала изящной и довольно пикантной фигуркой.

На ее бледном личике ясно отражалась озабоченность, а в нежных голубых глазах стояли слезы.

По-видимому, ее тяготило какое-то горе; ей хотелось что-то сказать, но она боялась огорчить горячо любимого брата.

Она пылливо посмотрела ему в глаза и заметила, что он был разочарован и немного раздосадован.

– Не надо сердиться! – просила она. – Быть может, как раз сегодня Лора чувствовала себя не совсем хорошо. Иначе она, наверно, тоже приехала бы.

Тут он не выдержал:

– Я чувствую, что ты не откровенна со мной! С Лорой что-то неладно и ты не хочешь мне сказать, в чем дело! У меня так тяжело на душе! Мне кажется, что нам грозит несчастье!

Ильза печально улыбнулась и пожала плечами.

Они шли под руку. После довольно продолжительного молчания Эрих снова заговорил. Он внезапно остановился, взял сестру за руку и воскликнул:

– А теперь скажи мне совершенно откровенно: разве вы не обратили внимания, что в последнее время, еще до болезни, с Лорой произошла крупная перемена?

– Мы все видели это, – печально ответила Ильза, – да и не только нам это бросилось в глаза, но и мистеру Брауну, отцу Лоры. Мы теряемся в догадках, а хуже всего то, что от самой Лоры нет возможности добиться объяснения причин ее странного состояния.

– А что говорят врачи?

– Руками разводят, – ответила Ильза, – ее пользуют несколько врачей и ни один не понимает, в чем дело. Впрочем, один сказал, что...

Ильза запнулась.

– Говори, – просил Эрих, – ради бога, скажи мне все!

– Он сказал, что есть основание предположить умственное расстройство.

Эрих был ошеломлен. Помолчав немного, он сказал:

– Ильза, мы всегда были с тобой друзьями, да и Лора видела в тебе лучшую подругу. Тебе известно, что между нею и мною зародились нежные отношения, не имеющие ничего общего с обыкновенной влюбленностью студента и молодой девицы. Да ты и сама должна была видеть и чувствовать, судя по всему моему поведению по отношению к Лоре: у меня самые серьезные и вполне искренние намерения. Я часто писал, и она всегда отвечала мне, но за последние полтора месяца я не получил от нее ни строчки! В чем тут дело?

– Ты знаешь, что именно полтора месяца назад Лора захворала?

– Конечно, знаю! Но ведь уже две недели, как она встала с постели и, мне кажется, могла бы написать хотя бы открытку!

Ильза нежно и с участием взглянула на брата.

– Она имеет что-то против тебя, Эрих. Я чувствую это с тех пор, как она захворала. Прежде, когда мы бывали вместе, она охотнее всего говорила о тебе, постоянно расспрашивала, как тебе живется, что ты ешь и вообще так интересовалась тобой, что сразу можно было догадаться, что она питает к тебе особое чувство. Но теперь она совершенно изменилась и совершенно не хочет слышать о тебе. Как только я заговариваю, она умолкает и становится серьезной. Она прекращает разговор или переводит его на другие темы.

Эрих побледнел.

– Давно ли она так изменилась?

– Со времени болезни. У меня сложилось такое впечатление, точно болезнь вытравила что-то из ее сердца, точно после того, как она начала поправляться, в ней умерло всякое чувство к тебе.

Эрих невольно прижал обе руки к груди, как бы силясь подавить ужасный страх.

– Боже мой! – бормотал он. – Ведь я не сделал ей ничего дурного! Я ни в чем не провинился перед ней! На нее должно было повлиять что-то совершенно непонятное, ужасное. Но я, во что бы то ни стало, узнаю, в чем дело.

Сестра с нескрываемым участием посмотрела на брата.

– Как ты можешь узнать? Она не сказала об этом ни единого слова ни мне, ни своему отцу.

Вдруг Эрих вздрогнул.

– Боже праведный! – вырвалось у него. – Неужели она полюбила другого и забыла меня?

Ильза энергично покачала головой:

– Этого я совершенно не допускаю! Да разве может не любить тебя та, которой ты отдашь свое сердце!

Она с гордостью и любовью взглянула на брата, бывшего, по ее мнению, верхом совершенства. Но он не обратил внимания на ее слова и, по-видимому, даже не расслышал их.

– Не знаю, что и думать! – шептал он. – Не хочу верить, что кто-нибудь другой мог завладеть ее сердцем! Но я хочу выяснить все и потому сегодня же пойду с визитом к фабриканту Брауну.

– И я пойду с тобой, – сказала Ильза, – будем надеяться, что тебе представится возможность поговорить с Лорой с глазу на глаз. Если и тебе не удастся раскрыть тайны ее душевного расстройства, то это и никому не удастся.

Эрих с благодарностью пожал сестре руку:

– Ты так добра, Ильза, я вечно буду тебе признателен за это. Я надеюсь, что мне удастся исцелить Лору, так как, по-моему, тут кроется какое-то недоразумение.

Он поднял голову и как-то сразу повеселел.

– Иначе и быть не может! – продолжал он. – Сегодня же на душе моей Лоры снова станет светло; я разгоню эту тайну силою моей любви.

Он оживился, так как его снова окрылила надежда. Он нисколько не опасался, что ему, быть может, в тот же день придется пережить горестное разочарование, так как не знал за собой никакой вины и ему казалось, что нескольких слов окажется достаточно, чтобы вернуть расположение любимой девушки.

– Поспешим домой! – обратился он к сестре. – Я не дожусь минуты, когда увижу Лору и в темных глазах ее прочитаю прежнюю сердечную любовь!

Дома Эриха радостно встретили родители. После полудня он с Ильзой поехал на авеню Амстердам, в дом богатого фабриканта Джо Брауна.

Старик Браун, из семьи которого осталась в живых одна только красавица дочь Лора, был дома и сердечно приветствовал молодых людей.

Эрих заметил, что Браун за последнее время сильно постарел. Забота об единственной дочери начертала на его лице глубокие морщины, и весь он производил впечатление усталого, измученного человека.

– Я чрезвычайно рад, что вы приехали, мистер Эринг! – сказал он. – Вы, по всей вероятности, уже знаете, какая меня гнетет забота, но вы понятия не имеете, до чего я исстрадался. Лора совершенно изменилась. Ее веселость и жизнерадостность совсем пропали, она печальна и грустна и давно уже не улыбалась. По целым дням она запирается в своей комнате, а что хуже всего, она отказывается дать какие бы то ни было объяснения своего состояния. Она слишком часто заговаривает о том, что скоро умрет, что покойники зовут ее. Я близок к отчаянию, мистер Эринг. Теперь я надеюсь на вас. Я знаю, Лора вас очень уважает. Быть может, она вам откроется. Не стану скрывать, что я уже привык к мысли, что вы и Лора со временем вступите в брак, и мысль эта окрепла еще больше при виде симпатий, которые моя дочь питала к вам. Пойдите к ней в гостиную. Недавно она еще играла на рояле, и все такие печальные вещи. Быть может, она именно теперь согласится объясниться с вами.

Эрих по мягким коврам неслышно прошел до гостиной и слегка приоткрыл дверь.

Лора сидела за роялем, выпрямившись, не двигаясь. Юноша ужаснулся при виде пропавшей с ней перемены. Нежное лицо ее, прежде свежее и цветущее, сильно исхудало и побледнело, щеки ввалились, глаза расширились. Лишь волосы сохранили свой прежний иссиня-черный цвет. Бледные руки небрежно лежали на клавишах.

На Лоре было простое черное платье.

Эрих тихо переступил порог, закрыл за собою дверь, а затем вышел на середину комнаты и тихо промолвил:

– Лора! Милая Лора!

Она обернулась во внезапном испуге и при виде Эриха, всплеснув руками, воскликнула:

– Эрих! Бога ради, уйди отсюда! Ты не должен меня больше видеть!

В полном недоумении он отступил на шаг, но снова приблизился к ней и проговорил:

– Зачем ты гонишь меня, Лора? Что с тобой? Чем я виноват перед тобой?

Она задрожала всем телом:

– Ничем ты не виноват! Виновата я или, вернее, мертвецы!

– Какие мертвецы? – воскликнул он. – Лора, ты не знаешь, что говоришь!

– Знаю, слишком хорошо знаю! Как бы мне хотелось, чтобы меня не постиг этот ужасный рок! Ведь ты самого ужасного не знаешь, Эрих! Одно только я тебе скажу: я бесчестная, я негодная, а стала я такую из-за мертвецов!

– Что ты вздор говоришь? Опомнись, Лора! Что у тебя общего с мертвецами? Ты принадлежишь жизни, тебе предстоит светлое будущее, ты снова будешь весела и радостна!

Она закрыла лицо руками и зарыдала:

– Никогда уж этого больше не будет! – воскликнула она, – оставь меня, Эрих! Уйди и никогда не возвращайся ко мне! Я не стою, чтобы ты смотрел на меня! Я не перенесу твоего присутствия!

Он никак не ожидал подобной вспышки. Надеясь смягчить ее настроение и изгнать мысли о каких-то мертвецах, он быстро подошел и обнял ее.

– Лора, милая моя Лора! – шептал он. – Ведь я так люблю тебя!

Она пронзительно закричала и вырвалась из его объятий.

– Никогда я не буду принадлежать тебе, Эрих! Мертвецы загубили мое счастье! Я не вынесу этого, я знаю, что ты все снова и снова будешь приходить ко мне! Вот почему я уйду... в дом мертвых!

Она схватила черную шаль, лежавшую на стуле, и быстро выбежала из комнаты.

Эрих побежал за нею и увидел, как она открыла дверь и вышла в сад.

– Бога ради, Лора! Куда ты идешь?

Она не слушала его, а побежала по улице. Он погнался за ней, но тут ему пересек дорогу вагон трамвая. Он в ужасе видел, как слабая девушка побежала рядом с вагоном и вскочила на полный ход.

Если бы несколько мужчин, стоявших на площадке, не подхватили ее, она неминуемо споткнулась бы и наверно попала под колеса.

В первую секунду Эрих остановился как вкопанный, так что вагон успел отъехать на довольно большое расстояние. Придя в себя, молодой человек громко крикнул:

– Остановитесь! Остановитесь!

Его вагон уже заворачивал за угол.

Эрих пустился догонять его, что ему, конечно, не удалось. Тут он увидел коляску, вскочил в нее и крикнул кучеру:

– Поезжайте по пути трамвая! Гоните лошадь, не жалейте ее! Если вам удастся нагнать вагон, который прошел здесь с минуту назад, я вам заплачу вдсятеро!

Обрадованный возница погнал лошадь во всю мочь. Так они ехали, пока наконец вагон трамвая не завернул на 148-ю улицу.

Погоня продолжалась с четверть часа. Наконец коляска у одной из остановок нагнала вагон. Но Эрих видел уже издали, что на задней площадке никого не было.

Он в сильном волнении спросил кондуктора:

– Где молодая девушка в черном, которая вскочила на полный ход недалеко от авеню Амстердам?

– Она соскочила на полный ход вблизи Манхэттена.

– Не видели ли вы, куда она ушла?

– Этого не могу сказать. У нас там остановки не было, и я не обратил на нее внимания.

Эрих снова сел в коляску и поехал к Манхэттену. Тут он стал расспрашивать всех прохожих, но ничего не добился, Лора исчезла, и Эриху даже не удалось установить, куда именно она направилась.

Усталый и расстроенный, он, в конце концов, вернулся в дом Брауна.

Сам старик, Ильза и вся прислуга были в сильнейшем волнении.

Отец Лоры видел, как она вскочила на площадку вагона, как Эрих помчался за вагоном, и все они в ужасном волнении ожидали его возвращения.

Но когда юноша вернулся один, старик Браун пришел в полнейшее отчаяние, которое еще усилилось, едва Эрих сообщил, что говорила Лора до своего бегства.

Браун немедленно заявил о происшедшем полиции. Были снаряжены тщательные розыски, не приведшие, однако, ни к какому результату.

Распростившись со стариком Брауном – Ильза ушла раньше – Эрих ушел домой.

Вдруг у него блеснула мысль, к исполнению которой он сейчас же и приступил.

Он отправился к знаменитому нью-йоркскому сыщику Нату Пинкертону.

Сыщик весьма любезно встретил юношу и внимательно выслушал его рассказ. Он сейчас же изъявил готовность взяться за это дело, так как своеобразная обстановка происшествия сильно заинтересовала его.

Он пожал Эриху руку и сказал:

– Успокойтесь, мистер Эринг. Я обещаю вам сделать все, что могу, чтобы разыскать молодую девушку. Весьма вероятно, что тут замешаны гнусные преступники. А теперь поедem к мистеру Брауну.

Они вышли и направились к Амстердам-авеню.

Глава II

Интересные открытия

Около восьми часов вечера Нат Пинкертон вместе с Эрихом прибыли в дом фабриканта. У Брауна сидел полицейский инспектор Мак-Коннел. Оба очень обрадовались, когда слуга доложил о прибытии Ната Пинкертона, и Браун протянул ему обе руки.

– Добро пожаловать! – воскликнул он. – Если и вам не удастся вернуть мне мою несчастную дочь, то никому это не удастся!

Мак-Коннел обменялся рукопожатиями со своим знаменитым другом и сказал:

– Вы легки на помине, мистер Пинкертон! Я только что думал о вас! Видите ли, для меня это происшествие представляет полнейшую загадку!

Все сели, и Нат Пинкертон начал:

– Мистер Эринг уже дал мне подробное объяснение происшествия, и теперь я попрошу вас, мистер Браун, сообщить мне данные о состоянии и поведении вашей дочери за последнее время.

Старик рассказал об угнетенном состоянии Лоры, которая в последнее время только и говорила о каких-то мертвецах.

– Давно ли мисс Лора впала в такое состояние?

– Это началось месяца два назад. Я как-то был в отъезде, и она вышла из дома, заявив лакею, что идет прогуляться. Она вернулась поздно вечером, и лакей, открывший двери, ужаснулся при ее виде: Лора была мертвенно-бледная и сейчас же прошла в свою комнату! С того вечера она совершенно изменилась!

– Вам не удалось узнать, куда именно она уходила в тот вечер?

– Нет! Я ее спрашивал сотни раз, но так и не добился ответа!

– Она стала избегать общества?

– Да, наотрез отказавшись бывать где бы то ни было!

– А с кем она виделась?

– Собственно говоря, ни с кем! Даже лучшая ее подруга миссис Мэри Стирман...

– Где она живет? – перебил сыщик.

– В квартале Бронкс на авеню Берген, в доме двадцать два.

– Не справились ли вы у этой дамы? Быть может, ваша дочь бежала к ней?

– Нет, я опросил уже всех знакомых!

– Какой врач пользовал вашу дочь?

– Доктора Стивенсон и Прут!

– Не говорили ли врачи, что ваша дочь страдает душевным расстройством?

– Они не могли этого утверждать с достоверностью и ни разу не высказывались об этом вполне определенно, ссылаясь, что перемена в состоянии моей дочери могла быть вызвана каким-нибудь ужасным происшествием!

– А каково ваше мнение, мистер Пинкертон? – спросил инспектор Мак-Коннел. – Считаете ли вы возможным, что в данном случае мы имеем дело с душевным расстройством?

– Отнюдь нет! Напротив, я пришел к убеждению, что в это дело замешаны преступники, и только потому и взялся за расследование. Если бы я был склонен предположить умственное расстройство, то предоставил бы все дело врачам.

Старик Браун схватился за сердце и простонал:

– Боже праведный! Моя дочь в руках преступников! Ведь это ужасно! Приложите все усилия, мистер Пинкертон! Надо привлечь негодяев к ответственности, во чтобы то ни стало!

– Само собою разумеется, сделаю все, что могу! – отозвался сыщик.

– Но какая же может быть цель у преступников? Для чего им нужно так воздействовать на мою дочь?

– Это мы сейчас увидим! – ответил Нат Пинкертон с тонкой улыбкой. – Скажите, мистер Браун, вы не обнаружили никакой пропажи в вашем доме?

– О чем вы говорите?

– Я хочу сказать, все ли ваши деньги и ценные вещи в целости?

– Я не проверял их!

– Мистер Эринг рассказал, что ваша дочь заявила ему, что она бесчестная и негодная девушка. Вот это-то и наводит меня на определенную мысль. Она добавила, что стала такою из-за мертвецов.

– И вы допускаете мысль, что Лора...

– Буду просить вас убедиться воочию. Много ли у вас в доме драгоценностей?

– Только те, что принадлежали моей покойной жене. Они находятся в большом черном кожаном футляре, который хранится в шкафу в моем кабинете.

– Не угодно ли вам будет пройти туда?

Старик Браун слегка пошатывался, когда пошел впереди других. Им овладело ужасное опасение, возраставшее все больше, по мере того, как они приближались к кабинету.

Он вынул из шкафа большой черный футляр.

– Футляр этот я не открывал уже несколько лет, – проговорил он. – В нем находится список всех вещей.

Открыв замок и откинув крышку футляра, он в тот же момент вскрикнул и без чувств свалился на кресло.

Футляр был пуст, в нем не оказалось ни одной драгоценности.

– Так я и думал! – пробормотал Нат Пинкертон.

Когда старика привели в чувство, он, вспомнив, что случилось, затрясся всем телом от сдерживаемых рыданий.

Он открыл еще и верхнее отделение шкафа и вынул оттуда маленькую шкатулку.

– В этой шкатулке хранятся двадцать тысяч долларов наличными деньгами, – прошептал он, – шкатулка стоит здесь давно; благодаря случайности я еще не внес эти деньги в банк. Теперь только я о них вспомнил.

Он хотел открыть шкатулку, но не сумел сделать этого, так сильно тряслись его руки. Он передал ключ Нату Пинкертону, а сам опустился в кресло.

– Откройте шкатулку! – шепнул он.

Шкатулка была пуста.

Браун опять глухо застонал, но теперь Нат Пинкертон подошел к нему и положил ему руку на плечо:

– Успокойтесь, мистер Браун! Вы и сами не верите, что ваша дочь виновна в краже. Она взяла драгоценности и деньги, но не для себя. Ведь вы сами видели, как ужасно она страдала! Негодные преступники, пользуясь впечатлительностью молодой девушки, нарядились мертвецами и заставили ее передать им то, что она взяла отсюда, по их приказанию. Таким образом, поведение вашей дочери становится вполне понятным. Теперь нам останется разыскать негодяев и освободить вашу дочь из их рук!

Старик немного успокоился. Он поднялся и произнес:

– Вы правы, мистер Пинкертон! Моя дочь ни в чем не повинна, хотя и взяла драгоценности и деньги! Как бы там ни было, она не может подлежать юридической ответственности!

– Да и нравственной! – добавил Нат Пинкертон. – А теперь будьте добры проводить меня в комнату вашей дочери. Быть может, в ее письменном столе нам удастся найти какие-нибудь данные.

Старик Браун проводил Ната Пинкертона, инспектора Мак-Коннела и Эриха в комнату Лоры.

Войдя в уютную, изящно обставленную девичью комнату, Нат Пинкертон спросил:

– Имела ли ваша дочь какие-нибудь ценные вещи?

– Имела! Они должны находиться в том маленьком шкафчике, но теперь их, по всей вероятности, тоже нет!

Нат Пинкертон открыл шкаф и обнаружил, что и тут ничего не осталось.

Сыщик взял со стола лист бумаги и вынул карандаш.

– Будьте добры сказать, какие именно драгоценные вещи принадлежали вашей дочери?

– Больше всего она дорожила маленьким золотым, осыпанным бриллиантами сердечком на золотой цепочке, – ответил старик. – Это была память ее покойной матери, и потому она так ценила эту вещь, которая и сама по себе была довольно дорога. Она надевала ее очень редко. Посередине сердечка был вправлен большой бриллиант чистейшей воды, лучами которого озарялся весь медальон.

Нат Пинкертон записал все это и составил перечень всех других драгоценностей, о которых мог вспомнить старик Браун. Он уже раньше положил в карман записку из футляра, с реестром находившихся в нем вещей.

Теперь он начал обыск письменного стола. Открыв ящик, он увидел неоконченное письмо, содержавшее следующие слова:

«Дорогая Мэри!

Я не в силах больше выносить этот ужас! Мертвые зовут меня, и я должна идти! Я не могла избавиться от них ценою тех жертв, которые уже принесла...»

Нат Пинкертон протянул письмо Брауну.

– Это почерк Лоры! – сказал старик.

– Причем письмо, несомненно, обращено к ее подруге Мэри Стирман?

– По всей вероятности!

– Из этого отрывка можно вывести заключение, что мисс Лора состояла в весьма большой дружбе с миссис Стирман! По-видимому, она поверяла ей больше, чем даже вам, мистер Браун!

– Я ничего не понимаю! – ответил старик. – Прежде Лора поверяла мне все свои тайны, и вдруг – такая перемена. Хотя я не понимаю, как могла Лора так близко сойтись с этой Мэри Стирман!

– Почему?

– Да потому, что это крайне несимпатичная женщина! Она любит наряды, очень тщеславна и кокетлива, и мне всегда казалось, что она хвастает своим богатством и вместе с тем страшно завидует другим, более богатым.

– Часто ли она посещала ваш дом?

– Нет! По-видимому, она чувствовала, что я не симпатизирую ей, хотя и приглашал ее на свои вечера, следуя просьбам дочери.

– Но ваша дочь, вероятно, часто посещала эту даму?

– Этого я не знаю! Лора вполне самостоятельна, часто уходила одна, и я всегда знал, что мне не следует о ней беспокоиться! Весьма возможно, что она часто бывала с миссис Стирман!

– Чем занимается муж этой дамы?

– Он доверенный какой-то большой иногородней фирмы. Он, обыкновенно, в разъездах, и я видел его редко!

– Не можете ли вы сообщить о нем более подробных сведений?

– Ничего особенного! Ему лет сорок, носит маленькие черные усы, у него бледное лицо. Он мне всегда казался очень скрытным.

Нат Пинкертон встал.

– Придется отправиться на авеню Берген, так как там я надеюсь кое-чего добиться! До свидания, господа. Как только я узнаю что-нибудь, то не премину поставить вас в известность!

Нат Пинкертон отправился на одну из своих, находившихся вблизи, временных квартир и, не меняя костюма, мастерски изменил черты лица, придав им возможно глупое, бессмысленное выражение. Всякий посторонний человек должен был принять его за слабоумного. Но ему именно этого-то и хотелось.

– Посмотрим, не попадется ли она на эту удочку! – пробормотал он. – Меня предстоящая беседа сильно интересует!

Он быстро вышел на улицу и, наняв коляску, отправился в Бронкс.

Глава III

Серьезная беседа

Миссис Мэри Стирман занимала на авеню Берген маленький дом, окруженный садиком. Не доезжая до этого дома, Пинкертон вышел из коляски и пошел дальше пешком. Позволив у входной двери, он принял надменный, важный вид.

На вопрос горничной, что ему угодно, он ответил свысока:

– Я чиновник уголовной полиции Джекоб Миллер и желаю видеть вашу барыню! Доложите обо мне и скажите, что дело не терпит отлагательства!

– Войдите, пожалуйста, я сейчас доложу!

Нат Пинкертон вошел в переднюю и стал прохаживаться взад и вперед с высоко поднятой головой. Горничная скрылась куда-то, и сыщик хорошо заметил, как спустя несколько секунд в темном конце передней бесшумно открылась дверь и как кто-то зорко всматривался в него сквозь узенькую щель.

Затем снова появилась горничная:

– Миссис Стирман просит вас пожаловать!

Она открыла дверь в гостиную и, когда он вошел на порог другой, появилась хозяйка квартиры, некрасивая особа ниже среднего роста, с рыжеватыми волосами, обрюзглым лицом и толстыми губами. Глаза ее имели неприятное выражение, пальцы рук были сплошь унизаны бриллиантовыми перстнями. Она была в домашнем капоте.

Она с улыбкой приветствовала посетителя:

– Здравствуйте, мистер Миллер! А я ведь давно уже ожидала визита чиновника уголовной полиции!

– Вот как? – протянул сыщик и поднял брови, так что лицо его приняло крайне комичный вид. – Стало быть, вам известно, по какому делу я явился?

– Известно! – отозвалась она, еле сдерживая смех. – Но садитесь же!

– О конечно, конечно! Очень приятно! – ответил посетитель и довольно неловко расселся в одном из кресел.

Миссис Стирман села на диван, но избегала смотреть на него, из опасения расхохотаться.

– Вы явились по делу моей подруги, мисс Лоры Браун?

Он шлепнул себя рукой по колену:

– Вы угадали, сударыня! Вы чрезвычайно догадливы! Вот именно по этому делу я и явился!

– Догадаться было нетрудно! – ответила она. – Но, к сожалению, я не имею возможности дать вам более подробных сведений.

Он сморщился:

– Пожалуйста, сударыня, скажите хоть что-нибудь. Вы и понятия не имеете, как остроумные чиновники уголовной полиции умеют пользоваться самыми незначительными на вид обстоятельствами.

Она снова взглянула на него и, с трудом удерживая смех, спросила:

– По всей вероятности вы принадлежите к числу наиболее способных чиновников полицейского управления?

Он гордо кивнул:

– Совершенно верно! Мистер Дункан утверждает, что я его правая рука, что без меня он и шагу не сделает! И вы увидите, миссис Стирман, мне, несомненно, удастся разыскать вашу подругу!

Теперь она громко рассмеялась и воскликнула:

– Вы не поверите, как я буду счастлива, как я буду рада, если Лора вернется! Но, к сожалению, на это мало надежды!

– Мало надежды? Почему?

– Потому что, как мне кажется, в это дело замешаны неестественные силы!

Сыщик весь съежился. На его лице ясно выразилась боязнь.

– Как так? – спросил он. – Стало быть, вы тоже думаете, что тут замешаны духи?

– А кто же думает это?

– Мистер Браун, отец беглянки! Он говорил, что на его дочь имели влияние какие-то мертвецы!

– Мертвецы?

Она всплеснула руками и вздрогнула, отлично притворяясь изумленной.

– Ведь вам, вероятно, все известно! – снова заговорил посетитель. – Ведь мисс Лора поверяла вам свои тайны!

– Почему вы так думаете?

– Потому что на ее письменном столе мы нашли это неоконченное письмо, очевидно обращенное к вам!

– Ко мне?

Он передал ей письмо. Она прочитала его, печально кивнула головой и сказала:

– Да, вы правы! Оно обращено ко мне!

– И что же вы скажете по этому поводу? Быть может, вы можете указать на след бежавшей?

Она покачала головой и ответила:

– Ничего не знаю! Мне кажется, мы никогда больше не увидим нашу бедную Лору! Она сделалась жертвой мертвецов!

– Разве она вам сказала, в чем дело?

– Сказала, но я не смею ничего передать об этом, не могу при все желании!

– Не расскажете ли вы об этом, по крайней мере, мне? – спросил сыщик. – Тогда полиции не нужно будет больше беспокоиться! Ведь с неземными силами мы бороться не можем!

– И вы думаете, что тогда следствие будет прекращено?

– Оно всецело находится в моих руках. Должен вам сознаться, сударыня, что я страшно боюсь привидений и вообще всего, что связано с четвертым измерением. Лучше не соваться в такие дела, иначе погубишь себя.

– Совершенно верно! – согласилась она. – Но неужели же вы думаете, что ваше начальство оставит это дело, если вы не будете продолжать расследование?

– Для виду я буду работать дальше, а на самом деле оставлю дело в покое. Наше начальство воображает, что у него передовые взгляды, и смеется над привидениями. Я еще поработаю в том деле месяца три, но, конечно, буду остерегаться навлечь на себя гнев злых духов.

– Вы хорошо сделаете, если поступите именно так, – ответила миссис Стирман, на лице которой появилось выражение внутреннего удовлетворения, – тем более что вы понятия не имеете, как ужасно поступают духи с теми, кого они хотят погубить.

– А они хотели погубить мисс Лору? – спросил Пинкертон.

– Именно. И погубили. Вы не можете себе представить, как она страдала.

– Еще бы! Духи являлись ей?

Миссис Стирман нагнулась к уху своего посетителя и шепнула:

– Я собственными глазами видела души мертвецов!

Он вздрогнул и уставился на нее совершенно растерянным, глупым взглядом, так что она чуть не расхохоталась ему в лицо. Но она сдержала себя и продолжала:

– Да, я собственными глазами видела ужасные привидения, которых в жизни не забуду!

Нат Пинкертон весь дрожал, сидя в своем кресле.

– Да неужели вы так-таки видели привидения? На кого они были похожи? Где это было? При каких обстоятельствах появились они?

Потешаясь над его страхом, она ответила:

– Так и быть, скажу вам, в чем дело! Над семьей Браунов тяготеет страшное проклятие, произнесенное когда-то одним из предков!

– Проклятие? Ведь это ужасно!

– Слушайте дальше! Уже несколько человек из рода Браунов сделались жертвой этого проклятия. Разве вы не слыхали, что около тридцати лет назад один член семьи сошел с ума?

– Слыхал, слыхал!

– Ну вот видите! Ему являлись духи покойников и довели его до сумасшествия, пока он в отчаянии не наложил на себя рук!

– Это ужасно! – простонал сыщик.

– Так вот: мы часто встречались с мисс Лорой и совершали совместные прогулки. Однажды вечером мы где-то заблудились и очутились возле маленького домика, стоявшего в полном уединении, среди чащи деревьев. Все ставни оказались заперты, света в окнах не было. Как раз в это время пошел дождь, и мы собрались приютиться на время в этом домике. Но случилось нечто ужасное! Входная дверь была открыта. Мы вошли в нижний этаж, в уютно обставленную комнату. Я зажгла спичку, а Лора в утомлении села в кресло и ломала себе голову над вопросом, где находится владелец домика. И вот вдруг... Когда я вспоминаю об этом, то у меня по телу пробегают мурашки!

Сыщик весь дрожал. Обеими руками он ухватился за ручки кресла, широко открыл глаза и хриплым голосом спросил:

– А дальше что?

– Когда спичка погасла, в комнате вдруг появился странный, красноватый свет, неизвестно откуда. И теперь мы увидели две длинные белые фигуры с мертвенно-бледными лицами!

Сыщик совершенно растерялся. Он судорожно сжимал руки, а потом вытер лоб, как бы осушая его от холодного пота.

– Что было дальше? – простонал он.

– Один из мертвых заговорил. Он сообщил Лоре о тяготеющем над ее семьей проклятии и сказал, что он и есть дух одного из давно умерших Браунов. Затем он внушил ей никому не говорить ни слова о привидениях, так как тот, кому она расскажет, должен будет погибнуть! Затем привидение говорило дальше, что она намечена следующей жертвой, обречена на умопомешательство или на смерть. Но есть новое средство, которое она может испытать для своего спасения! Быть может, ей при помощи ценных даяний удастся примирить мертвых и уничтожить проклятие! Конечно, эти даяния предназначены не для мертвых, а для нищих и бедных. Затем привидение приказало Лоре приносить дары в этот самый дом и класть их в ту же комнату, где она теперь находится. Привидения будут появляться до тех пор, пока проклятие не потеряет свою силу.

– Ужасно! О, как ужасно! А что же ответила на это мисс Лора?

– Когда привидения исчезли, она лежала в глубоком обмороке. С трудом мне удалось привести ее в чувство. Затем мы ушли отсюда, причем мне приходилось вести ее под руку. Дойдя до первых домов города, мы взяли коляску и поехали сюда ко мне. Здесь Лора немного успокоилась и затем отправилась домой.

– Ага, в тот самый вечер, когда она явилась домой совсем расстроенная?

– Да! Бедняжка! Утешать я ее не могла, так как сама видела привидения. Да и со мной после того вечера произошла перемена. Теперь я уже не так весела и жизнерадостна, как была прежде.

– А что сделала мисс Лора?

– Она начала носить туда драгоценные вещи и деньги, а я по старой дружбе провожала ее. Но она в дом уже не входила, а подкрадывалась к одному из окон и клала вещи на подоконник. Но как только она удалялась, комната начинала озаряться красноватым светом, какая-то таинственная сила раскрывала окна и в них появлялись два мертвеца!

– О, как это ужасно! И что же они делали?

– Они грозно протягивали руки, а затем исчезали! Иногда они восклицали: «Горе тебе, мы зовем тебя! Ты обречена на смерть!» Теперь вам станет понятным, мистер Миллер, почему моя бедная подруга стала так несчастна и грустна! Отцу она не хотела ничего сказать, так как опасалась, что тогда придется умереть и ему!

– Да, да, вы совершенно правы! – ответил Пинкертон и стал тайком рассматривать медальончик, который Мэри Стирман носила на груди на тонкой цепочке.

– Где находится этот дом мертвых? – спросил он.

– Почему вы спрашиваете?

– Видите ли, я охотно посмотрел бы, не явятся ли привидения и мне!

– Что ж, если вы собственными глазами хотите их видеть, я укажу вам путь: если вы пойдете по шоссе на северо-запад, то после сорока минут ходьбы увидите на правой стороне, немного поодаль, маленький пруд, за ним рощу, в ней и стоит маленький дом, где появляются привидения.

Нат Пинкертон встал.

– Я сегодня же вечером рискну пойти туда! – сказал он. – Совсем близко я не подойду, это слишком опасно, я не хотел бы, чтобы привидения укупили меня! А теперь прощайте, миссис Стирман! Я убедился, что продолжать расследование в данном случае не имеет смысла!

Сыщик вышел. Он заметил, что хозяйка дома наблюдала за ним, а потому направился в город. Однако вскоре он спрятался в одной из подворотен.

Прошло около получаса.

Вдруг он заметил, что из дома миссис Стирман вышла горничная, оглянулась во все стороны, а затем быстро пошла по направлению к шоссе.

Сыщик сделал обход, чтобы не пройти мимо дома миссис Стирман, и вскоре догнал горничную. Он схватил ее за руку и крикнул:

– Куда вы идете?

Она вздрогнула и дрожащими руками пыталась скрыть в складках своего платья закрытый конверт.

– Вам поручено отнести письмо, – продолжал он, – и я даже знаю, куда: в тот уединенный домик, который стоит вблизи пруда в роще! Не так ли?

Горничная была озадачена, а сыщик продолжал:

– Хорошо, идите! Отдайте письмо по назначению!

Она убежала, а Пинкертон вернулся к дому миссис Стирман, но не позвонил, а открыл дверь при помощи своей отмычки. Юркнув в переднюю, он запер за собою дверь и подошел к гостиной.

Он слегка приоткрыл дверь и увидел Мэри Стирман, сидевшую в кресле в глубоком раздумье. По ее лицу видно было, что она торжествует.

Она и не заметила, как в комнату вошел мнимый чиновник уголовной полиции, не так давно ушедший отсюда.

– Здравствуйте, миссис Стирман! – вдруг произнес он. Она вздрогнула и побледнела:

– Ради бога! Откуда вы взялись? Ведь я видела, как вы ушли! Каким образом вы пробрались сюда, мистер Миллер?

Сыщик с улыбкой указал на связку отмычек:

– При помощи вот этих штучек! Я не хотел шуметь, чтобы не мешать вам!

– Совершенно напрасно! Я просила бы вас в другой раз не входить ко мне таким образом! Чего вам, впрочем, еще нужно?

– Я хотел спросить, куда вы послали вашу горничную?

– Мою горничную? А вам какое дело? Я дала ей поручение!

Сыщик тихо усмехнулся:

– Вы поручили ей отправиться в дом мертвых, не правда ли? Туда она несет письмо с приказанием, чтобы негодяи, которые там наряжаются привидениями, были готовы, так как, мол, сегодня вечером какой-то болван, по имени Миллер, будет издалека наблюдать за домом! Разве я не прав?

В первый момент Мэри Стирман не могла произнести ни слова. Но затем она заволновалась, подошла к сыщику и сердито топнула ногой:

– Как вы смеете говорить мне подобные дерзости? Это неслыханная вещь! Сию минуту убирайтесь вон отсюда, я вас видеть не хочу!

Но теперь сыщик выпрямился во весь рост, быстро сорвал парик, фальшивые брови и усы и резким голосом произнес:

– Довольно комедий, миссис Стирман! Я вовсе не Джекоб Миллер, а Нат Пинкертон!

Она громко вскрикнула, когда услышала это имя.

– Вы отлично попались в ловушку! – продолжал Пинкертон. – Охотно верю, что вам было приятно видеть у себя такого болвана, как изображенный мною Джекоб Миллер, так как его вам нечего было опасаться! Но, откровенно говоря, в данном случае, вы были изумительно глупы! Правда, у нас в полиции служит много чиновников, не обладающих особыми способностями к своему призванию, но все-таки такого осла, как этот Миллер, полицейское управление не приняло бы на службу! Это вы и сами могли подумать!

Миссис Стирман с большими усилиями взяла себя в руки.

– Но в чем же дело? – спросила она. – У меня с этим делом нет ничего общего! Меня вы не имеете права трогать! Дело обстоит именно так, как я вам рассказывала!

– Удивляюсь в таком случае, почему вас так испугало мое имя! – отозвался Нат Пинкертон. – Нет уж, бросьте попытки водить меня за нос! Те негодяи, которые изображают духов и которым вы послали письмо, действуют с вами заодно! И я полагаю, что один из этих негодяев – ваш муж, якобы постоянно где-то разъезжающий!

По поведению миссис Стирман видно было, что сыщик прав. Теперь он указал рукой на драгоценное украшение, висевшее у нее на груди на тонкой золотой цепочке, и продолжал:

– Вы носите вот этот медальон с красивым большим и несколькими маленькими бриллиантами! Эта вещь принадлежит мисс Браун!

Снова она вздрогнула и побледнела как полотно. Глядя в ужасе на сыщика, она воскликнула:

– Эта вещь прежде, действительно, принадлежала мисс Браун, но она мне ее подарила!

Нат Пинкертон покачал головой и ответил:

– А я наверняка знаю, что именно этой вещью мисс Лора очень дорожила как памятью покойной матери! Она никогда не подарила бы вам этого медальона!

– И все-таки она это сделала, именно потому, что хотела мне дать доказательство своих дружеских чувств!

– Это, впрочем, видно будет из следствия! – заявил Нат Пинкертон. – Да и обыск в этом доме, по всей вероятности, обнаружит веские улики! Я арестовываю вас, миссис Стирман, и вы немедленно последуете за мной в полицейское управление!

– Вы не имеете права на это! – простионала она. – Я ни в чем не виновата!

– Это потом видно будет! В скором времени за решеткой очутятся и те привидения, которые безобразничают там, в уединенном домике.

Мэри Стирман не пыталась больше сопротивляться, понимая, что все равно ничего не поделает с сыщиком. Она была совершенно разбита и с трудом держалась на ногах.

Он проводил ее в переднюю, где она надела шляпу и жакет, затем вместе с ней вышел из дома и сел с нею в коляску, которая отвезла их в полицейское управление.

Несмотря на то, что Мэри предложила круглую сумму в виде залога, ее, по настоянию Ната Пинкертона, отвели в надежную камеру.

Он же распорядился арестовать горничную, которая, по-видимому, действовала заодно со своей барыней.

Глава IV

В доме мертвых

Около десяти часов вечера Нат Пинкертон вместе со своим помощником Руландом бесшумно приближались к уединенному домику за городом.

Почти на всех окнах ставни были закрыты, и света нигде не замечалось.

Сыщики подошли метров на десять к домику и притаились в кустах.

– Мне хотелось бы подкрасться и посмотреть, не имеют ли они там какого-нибудь тайника, – шепнул Пинкертон. – Если нужна будет твоя помощь, я свистну или выстрелю.

Сыщик осторожно подкрался к самому домику и увидел, что дверь не заперта, а лишь притворена.

После некоторого колебания он решил не входить в дом, так как не сомневался, что дверь соединена со звонком или каким-нибудь другим приспособлением. Именно то обстоятельство, что дверь была лишь притворена, возбудило в нем подозрение.

В окно он тоже не мог пролезть, так что в конце концов решил влезть на крышу. Здесь он нашел открытое слуховое окно и через него забрался внутрь дома.

Чердак был пуст; следов недавнего пребывания людей здесь не оказалось. Тщательно осмотрев стены и пол, он бесшумно спустился вниз. Здесь кроме передней находились три помещения: уютно обставленная комната, кухня и еще маленькая пустая комната, выходявшая окнами на задний фасад.

Нигде никого не было, и нигде не виднелось ни прохода в погреб, ни чего-нибудь в этом роде.

Нат Пинкертон быстро осматривал в каждой комнате полы, потолки, стены и мебель. Ему, однако, пришлось убедиться, что, по-видимому, у преступников имелся поразительно удачно скрытый тайник, так как нигде нельзя было обнаружить следов такового.

Нат Пинкертон предположил, что преступники уже оповещены о его пребывании в доме. Он допускал возможность, что под полом или в каком-нибудь другом месте находилось скрытое приспособление, которое он, незаметно для самого себя, привел в действие. Да и кроме того, его мог выдать свет электрического фонаря, которым он вынужден был пользоваться, так как во мраке нельзя было производить осмотра.

Ввиду этого он вышел из дома тем же путем, каким пробрался в него, и спустя пять минут присоединился к своему помощнику.

Кроме обычного вооружения, оба сыщика в этот вечер захватили с собою ружья.

– Решительно ничего не удалось обнаружить! – шепнул сыщик. – И все-таки я убежден, что у этих негодяев где-то в доме есть тайник. Так или иначе надо раскрыть эту загадку еще сегодня ночью, так как меня сильно беспокоит участь мисс Лоры. Вряд ли преступники согласятся освободить девушку, которая им доставила столько денег и драгоценных вещей. Они достигли уже своей цели, она ничего не может им больше принести, и они укокошат ее, чтобы она не могла выдать их впоследствии, когда отделается от своего страха.

– Не подойти ли нам поближе, чтобы быть на месте, если привидения появятся? – спросил Боб.

– Нет, это рискованно! – ответил Пинкертон. – Мне думается, что их тайное приспособление, благодаря которому они куда-то скрываются, действует быстро и хорошо. Как только они увидят постороннего человека, то могут моментально скрыться. Я больше надеюсь на свое ружье.

Сыщики стали терпеливо ждать.

Когда настала полночь, вдруг в окнах большой комнаты появился слабый красный свет. Вместе с тем бесшумно открылись ставни, и сыщики увидели, что комната наполнена красноватым паром.

Вдруг в каждом появилось по привидению. Они, действительно, были похожи на мертвецов: лица и руки были белы как снег, глаза смотрели куда-то в пространство.

Зрелище поистине было ужасно. Но Нат Пинкертон лишь улыбнулся и поднял ружье.

Привидения не шевелились, а сыщик шепнул:

– Теперь вот что, Боб! Как только я выстрелю, мы бросимся туда, быть может, нам еще удастся ворваться, прежде чем они захлопнут ставни!

Нат Пинкертон нажал курок, раздался пронзительный крик, одно из привидений взмахнуло руками и свалилось назад.

В тот же момент сыщики вскочили и бросились к окнам.

Но они не успели еще добежать до них, как вдруг захлопнулись ставни и свет в комнате погас.

– Вперед через дверь! – крикнул Пинкертон.

Они побежали к заднему фасаду и ворвались в дверь, а оттуда добрались до комнаты, в которой только что еще находились привидения.

Сыщики оставили ружья в кустах и теперь выхватили револьверы. Комнату они освещали электрическими фонарями.

Нат Пинкертон осмотрел пол и увидел следы пятен крови, которые вели к стоявшей в углу кафельной печи.

– Вот это мне и нужно было! – проговорил он. – По этим следам мы и пойдём! Я прострелил негодяю правое плечо!

Он схватил один из тяжелых стульев и изо всей силы начал колотить им печь.

Вдруг кафель, прикрывавший вход в маленький погреб, рассыпался, и сыщики увидели довольно уютно обставленное помещение, в котором на постели лежала мисс Браун.

Почти в тот же самый момент изнутри раздался выстрел, и пуля просвистела мимо головы Пинкертона. Но Боб Руланд уже бросился вперед; он увидел стоявшего внутри на лестнице преступника. Он схватил его за горло и сшиб с ног.

Теперь вошел и Нат Пинкертон.

– Молодец, Боб! – похвалил он помощника. – Но где же второй «дух»?

Снова из угла грянул выстрел, и пуля вторично прожужжала мимо Пинкертона.

– А! Вот он где! – совершенно спокойно сказал сыщик и одним прыжком очутился около негодяя. – Для «духа» ты стреляешь прескверно, милейший!

С этими словами он схватил его за руки.

Несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное обоими «привидениями», они вскоре были связаны по рукам и ногам.

Сыщики вынесли своих пленников наверх, а за ними последовала и мисс Лора. Со слезами на глазах она благодарила своих спасителей.

Арестанты в ту же ночь были доставлены в полицейское управление Нью-Йорка. На следствии выяснилось, что один из них был муж Мэри Стирман, а другой – его лакей.

Оказалось, что Стирман спустил все свое состояние и вместе со своей женой и лакеем задумал нарядиться привидениями, чтобы заставить нервную и впечатлительную Лору Браун принести им деньги и драгоценности.

Они, действительно, имели намерение покончить с несчастной девушкой.

В тот вечер, когда Лора бежала от Эриха, она отправилась прямо к уединенному домику, так как решила умереть, не имея сил больше хранить ужасную тайну. Она считала себя недостойной быть женой Эриха.

Преступники понесли заслуженное наказание и на долгое время скрылись за стенами тюрьмы.

Лора Браун вышла замуж за Эриха, и впоследствии Нат Пинкертон часто бывал в доме счастливой молодой четы.

Натурщица-убийца

Глава I

Таинственная незнакомка

Художник Джон Мелвилл жил в Нью-Йорке на 58-й авеню, в доме № 72.

Около пятнадцати лет тому назад он получил известность, выставив на одной из нью-йоркских экспозиций картины, за которые был удостоен золотой медали.

Он снимал квартиру у добродушной старушки, мисс Аггор. Мастерская располагалась на самом верхнем этаже и имела большие стеклянные окна, выходившие во двор.

Рядом с мастерской находилась спальня, и, кроме того, в его распоряжении была еще одна комната на первом этаже. Других жильцов в доме не было, и мисс Аггор в свое время сдала ему помещение только потому, что в приобретенном ею доме была мастерская для художника.

Мисс Аггор имела все основания быть довольной своим жильцом. Очень симпатичный, скромный и нетребовательный человек, и даже популярность не испортила его, не сделала тщеславным.

Джон Мелвилл, правда, нередко развлекался вне дома, но в общем вел степенный образ жизни. Отношения с хозяйкой были весьма дружественными, он любил ее почти как родную мать.

Ежедневно она заходила к нему в мастерскую, радовалась его успехам и была в курсе всех его дел.

Они обедали, а иногда и ужинали вместе. У молодого художника не было секретов от хозяйки, за исключением одного.

В течение последнего месяца в мастерской Джона Мелвилла иногда стала появляться какая-то женщина в шляпе с густой вуалью. Когда она звонила в дверь, художник всегда сам спускался вниз и открывал ей. Потом они быстро поднимались в мастерскую, и Мелвилл запирали дверь на ключ.

Мисс Аггор несколько раз мельком видела незнакомку и заметила, что та одевалась очень изящно; но имени ее она не знала.

Лица незнакомки мисс Аггор не могла разглядеть, поскольку оно всегда было закрыто вуалью. Хозяйка, конечно, не преминула спросить художника, кто это такая. Он ответил весьма уклончиво, а когда мисс Аггор повторила свой вопрос, сказал, что это натурщица. Прежде она была богата, а теперь вынуждена зарабатывать позированием и поставила условие никому не называть ее имени, так как не хочет быть узнанной.

Мисс Аггор поверила всему, что сказал Мелвилл, и прониклась сочувствием к незнакомке, которая стала появляться после этого разговора довольно часто. Но хозяйка тщетно пыталась увидеть в мастерской художника картину, для которой позировала незнакомка. В смежной комнате стоял огромный шкаф, где молодой художник хранил свои незаконченные творения, но он был всегда закрыт.

Мисс Аггор очень хотелось увидеть картину с изображением незнакомки, но она не осмеливалась просить художника об этом, пока Мелвилл как-то в разговоре не заметил, что покажет ее, но после завершения и при условии, что она никому о ней не скажет.

В течение всего лета натурщица приходила к Джону Мелвиллу три раза в неделю. Настала осень, а картина все еще не была готова.

Как-то утром, когда художник сидел с мисс Аггор за завтраком, она сказала ему:

– Мистер Мелвилл, раньше вы работали более интенсивно, и я часто поражалась тому, как быстро вы пишете ваши вещи. Но теперь вы работаете уже целое лето! И эта женщина продолжает ходить к вам позировать. Неужели картина еще не закончена?

– Нет, – коротко ответил он, – потребуется еще некоторое время.

Художник казался недовольным и, по-видимому, ему не понравилось, что мисс Аггор завела разговор о таинственной натурщице.

Помолчав немного, он сердито проговорил:

– Я бы охотно уничтожил эту картину!

Старушка широко открыла глаза:

– Почему же? Разве вы не удовлетворены вашей работой?

– Работой-то я доволен, но не натурщицей!

– Я заметила, что в последнее время вы стали бледны и задумчивы! Неужели из-за натурщицы? Может быть, вы в нее влюбились?

В ответ Джон Мелвилл лишь махнул рукой.

Позвонили в дверь. Пришел один из богатых нью-йоркских банкиров, не раз бывавший у Мелвилла. Он поднялся с художником в мастерскую и отобрал несколько картин, заплатив за них большую сумму.

Джон Мелвилл уже мог запрашивать высокие цены, поскольку пользовался известностью.

В тот день он работал мало, вечером куда-то ушел, но вскоре вернулся. В последнее время он постоянно был не в духе.

На другое утро Джон Мелвилл проснулся рано. За завтраком мисс Аггор заметила, что он чем-то сильно расстроен.

Около десяти часов раздался звонок. Судя по тому, как художник заторопился вниз, старушка поняла, что пришла таинственная натурщица.

Мисс Аггор поспешила к двери, но они уже поднялись в мастерскую, и хозяйке опять не удалось разглядеть лица незнакомки.

Дверь мастерской закрылась, щелкнул замок. Мисс Аггор, вздохнув, стала убирать со стола.

– Чувствую, что это знакомство не приведет мистера Мелвилла к добру, – бормотала она, – мне кажется, эта женщина принесет ему несчастье! Только бы он поскорее закончил свою картину!

Потом она взяла шитье и села к окну. Но работа не спорилась. Ее мысли были в мастерской. Мисс Аггор понятия не имела, в каком виде позирует художнику незнакомка, есть ли на ней вообще какой-либо костюм. Она опустила руки на колени и вспоминала минувшее лето, в конце которого между ней и Джоном Мелвиллом постепенно возникло отчуждение. Прежних откровенных бесед не стало, и художник уже не обращался к мисс Аггор со своими сокровенными мыслями, что ее очень огорчало. У мисс Аггор не было близких, все родственники или умерли или проживали далеко, поэтому сердечное отношение к ней молодого художника искренне радовало ее. А теперь все изменилось, и она понимала, что виной этому таинственная натурщица.

Когда художник сообщил мисс Аггор, что натурщица так скромна, что не хочет показывать своего лица и называть своего имени, она осталась очень довольна этим объяснением. Но теперь она чувствовала, что здесь что-то не так.

Сидя у окна, хозяйка провела в раздумьях около часа. Иногда, напрягая слух, она пыталась услышать, что происходит наверху.

Ей никогда не приходило в голову подслушивать у двери мастерской, поскольку это было неприлично. Она ни разу не слышала голоса незнакомки. Лишь однажды, когда та пробежала по лестнице, вдруг раздался ее серебристый смех.

Мисс Аггор насторожилась. Дверь мастерской отворилась и тут же захлопнулась. Потом кто-то осторожно повернул ключ, и на лестнице раздались торопливые шаги.

Подойдя к двери, она увидела проходившую мимо ее комнаты незнакомку.

– Сегодня сеанс уже закончен? – не удержалась мисс Аггор от вопроса.

– Да!

– Вы, кажется, заперли ключом дверь? Но ведь мистер Мелвилл остался в мастерской!

Ответа она не услышала.

Незнакомка быстро спустилась в переднюю и выбежала на улицу, сильно хлопнув парадной дверью. Мисс Аггор замерла в недоумении. Вдруг ее сердце сильно забилося от нахлынувшего страха. По-видимому, что-то случилось! Может быть, между ними произошла ссора? Ведь незнакомка находилась в сильном волнении. Почему она повернула ключ в двери мастерской? Там же остался художник! Как и почему она не позволила ему выйти вслед за ней?

Хозяйка решила серьезно поговорить с молодым художником и убедить его в необходимости порвать знакомство с этой женщиной. Она стала медленно подниматься в мастерскую. Ее тело точно налилось свинцом, какой-то необъяснимый, безотчетный ужас сжимал горло.

Мисс Аггор наконец добралась до мастерской. Постояв некое время перед дверью, постучала, затем нажала на ручку.

Дверь была заперта. Она хотела открыть ее, но увидела, что ключа в замке нет. Неужели незнакомка взяла его с собой? Или же художник сам закрылся и вынул ключ? Она вновь постучала и громко позвала:

– Мистер Мелвилл! Откройте, пожалуйста!

Ответа она не дождалась. Из мастерской не доносилось ни единого звука. Мисс Аггор посмотрела в замочную скважину, но могла увидеть лишь небольшую часть мастерской.

– Здесь определенно что-то случилось! – вырвалось у нее. – Надо вызвать полицию!

Она еще раз постучала в дверь и позвала художника, но ответа опять не услышала. Тогда мисс Аггор спустилась вниз и недолго думая выбежала на улицу.

Она окликнула проходившего мимо полицейского, изъявившего готовность помочь ей. Он тотчас вызвал слесаря, проживавшего неподалеку, который, захватив свои отмычки, направился к мастерской.

Пока слесарь взламывал дверь, мисс Аггор вся дрожала. Она предчувствовала, что случилось ужасное. И не ошиблась...

Когда наконец замок поддался и слесарь распахнул дверь, все одновременно вскрикнули, увидев потрясающую картину. Около большого окна стоял мольберт с неоконченным портретом женщины в древнегреческом одеянии, лицо которой было вырезано.

У мольберта лежал молодой художник Джон Мелвилл. В его спине торчал кинжал, пронзивший сердце.

Кровь, струившаяся через правое плечо, растекалась по ковру, а потом стекала на пол, образуя лужу.

В правой руке несчастный художник держал кисть, рядом с ним валялась палитра. Очевидно, он не ожидал нападения сзади.

Мисс Аггор при виде трупа лишилась чувств, и полицейский едва успел подхватить ее. Он посадил мисс Аггор в кресло и обратился к слесарю:

– Я должен сообщить об этом в полицию! Оставайтесь пока здесь, но ни к чему не прирагивайтесь!

Слесарь согласно кивнул головой, и полицейский ушел.

Вскоре появился инспектор Мак-Коннел в сопровождении нескольких подчиненных и врача. Весть об убийстве известного художника Джона Мелвилла быстро распространилась по всему Нью-Йорку.

Глава II

Пинкертон на месте происшествия

Происшествие показалось инспектору Мак-Коннелу столь странным, что он решил вызвать знаменитого сыщика Ната Пинкертона, и тот не замедлил явиться, зная, что инспектор обращается к нему лишь в случаях интересной и трудной работы.

– Слава богу, что вы пришли! – воскликнул инспектор. – Теперь это загадочное преступление будет раскрыто.

– Труп обнаружили именно в таком положении? – спросил Пинкертон, сердечно поздравившись с инспектором.

– Да. Я не трогал его до вашего прихода!

Сыщик молча взглянул на труп, а потом стал внимательно рассматривать картину. Мак-Коннел все это время не проронил ни слова. Составив суждение о происшедшем, Пинкертон сказал:

– Этого человека убила именно та женщина, которая ему позировала! Она же и вырезала изображение лица, чтобы затруднить расследование!

– Так оно и есть, мистер Пинкертон! – отозвался Мак-Коннел. – Почти все лето она появлялась здесь три раза в неделю в качестве натурщицы. Она всегда приходила, прикрывая лицо вуалью, чтобы мисс Аггор, хозяйка дома, не увидела его. Джон Мелвилл сказал, что эта женщина прежде жила в богатстве, а теперь стыдится зарабатывать себе на пропитание в качестве натурщицы и потому носит густую вуаль. Ее имени он не назвал.

Нат Пинкертон прежде всего отправился к мисс Аггор, которая отказалась подняться в мастерскую, так как не могла видеть труп молодого художника. Ведь она любила Джона Мелвилла почти как сына.

Она рассказала сыщику все, что знала, упомянув также о том, что художник в последнее время часто бывал расстроен и грустен, но ни разу не пожаловался ей.

– Вы никогда не видели лица незнакомки?

– Никогда! Я пыталась заглянуть ей в лицо, но вуаль всегда была так густа, что можно было различить лишь его овал!

– Не приходилось ли вам встречать ее на улице, по дороге к вашему дому?

– Приходилось! Она появлялась всегда из западной части города и всегда шла очень быстро!

– Приезжала она когда-нибудь в карете?

– Нет, всегда шла пешком!

– Меняла ли одежду?

– Нет, неизменно была в одной и той же!

– Опишите мне ее подробно!

– Натурщица носила длинное легкое пальто с черной кружевной оборкой. Оно плотно облегало ее фигуру и выглядело очень дорогим! А на голове всегда была черная шляпа со страусовыми перьями!

– В ее одежде вам ничего не бросилось в глаза?

– Нет, ничего!

– Как она вела себя?

– По улице шла очень гордо, вид у нее был высокомерный! В первое время я ей симпатизировала, поверив, что несчастная женщина действительно вынуждена в силу обстоятельств сама зарабатывать себе на жизнь, но вскоре поняла, что это не так!

– Вы никогда не слышали ее голоса?

– Один раз мне удалось услышать ее серебристый смех. И еще сегодня утром, когда я спросила, окончен ли сеанс, она произнесла «да»!

Когда Нат Пинкертон вернулся в мастерскую, инспектор спросил его:

– Ну что? Показания хозяйки весьма скудны, не правда ли?

Сыщик покачал головой.

– Я так не считаю, – ответил он, – я сделал из слов мисс Аггор довольно много важных выводов!

– Неужели? Каких же?

– Прежде всего, что натурщица – очень хитрая женщина. Она приходила сюда, чтобы ограбить художника.

– Но ведь она ничего не украла?

– Думаю, что вы ошибаетесь! Мисс Аггор сообщила мне, между прочим, что вчера к Джону Мелвиллу заходил богатый банкир и за весьма большую сумму приобрел несколько картин. Я уверен, что у художника не осталось ни гроша.

– Но ведь Джон Мелвилл мог не держать денег в мастерской, а спрятать их в каком-нибудь укромном уголке другой комнаты! – возразил Мак-Коннел.

– Посмотрим, но я сомневаюсь в успехе наших поисков! – заявил Пинкертон. – Натурщица, по-видимому, только и выжидала подходящего случая!

– Вы настаиваете на том, что она все лето ходила сюда только затем, чтобы при удобном случае ограбить художника?

– Именно!

– Но почему же она медлила? Почему не ограбила его раньше?

– Да потому, что выжидала момент, когда у Джона Мелвилла на руках появится крупная сумма. Он хранил все свои сбережения в банке и брал оттуда лишь понемногу на текущие расходы. А с мелочью она и не думала связываться!

– Расчетливость удивительная, ничего не скажешь! Но почему Мелвилл, работая так долго над последней картиной, даже не закончил ее? Мисс Аггор говорила мне, что те картины, которые принесли ему славу, были написаны им гораздо быстрее!

– Объяснение очень простое: он был влюблен в эту женщину!

– Пожалуй, что так!

– Даже наверняка! Она сумела поймать его в свои сети! И, вероятно, все время болтала с ним, отрывая от работы.

– Конечно, хитро придумано! Но если она очень практична и сообразительна, то могла ведь женить его на себе! Перед ней открывалось блестящее будущее, стань она женой знаменитого художника!

– Вероятно, что-то мешало ей поступить так. Возможно, ее прошлое было запятнано, а если бы она решилась выйти замуж, то ей пришлось бы покаяться! В данной ситуации она сначала разжалобила художника, потом он влюбился в нее, и в итоге все завершилось для него катастрофой.

– Ужасно! Ужасно! – проговорил инспектор. – У меня сердце сжимается при мысли о том, что погиб талант. Этот художник создал бы еще очень много прекрасных картин.

– Да, действительно, ужасно! А теперь я хочу обыскать мастерскую, может быть, удастся найти то, что поможет выявить личность преступницы!

Пинкертон опустился на колени и стал внимательно осматривать труп, но ничего особенного не обнаружил.

Потом он посмотрел на кинжал, торчавший в спине убитого. Это был старый, довольно дорогой кинжал с позолоченной рукояткой и хорошо отточенным лезвием, как бы специально приготовленным для убийства.

Со слов мисс Аггор было известно, что кинжал не принадлежал художнику, он вообще не держал никакого оружия, поэтому можно было предположить, что его принесла незнакомка.

Пинкертон уже решил отправить труп в морг, но вспомнил о карманах пиджака художника. В них он обнаружил переплетенный в серый холст блокнот с эскизами.

Осмотр мастерской не дал никаких полезных для расследования результатов. В углу лежал костюм натурщицы, он был скомкан, и на нем Пинкертон заметил несколько пятен крови.

Этот костюм, по словам мисс Аггор, принадлежал художнику, который купил его несколько лет тому назад для работы над какой-то другой картиной.

Закончив обыск, Нат Пинкертон попросил мисс Аггор подняться наверх. Она в страхе переступила порог мастерской – места ужасной драмы.

– Незнакомка бывала только здесь? – спросил он.

– Да!

– Вы, наверное, знаете, бывала ли она в комнате Джона Мелвилла, расположенной на первом этаже?

– Нет! Это я знаю точно! Когда она приходила, я всегда была дома!

– Не обратили ли вы внимание на походку незнакомки? У нее легкая походка?

– Да, очень! Я не раз поражалась ее чрезвычайно легкой, плавной походке!

– Она носила ботиночки на резиновой подошве, без каблучков! – уверенно сказал Нат Пинкертон.

– Вот как! – воскликнул Мак-Коннел. – Откуда вы знаете?

– Об этом нетрудно догадаться! – ответил Пинкертон. – Художник много курил, а пепел сбрасывал на пол. На нем и остались отпечатки обуви этой женщины. Они довольно отчетливо видны, если присмотреться внимательно!

– И все же я не понимаю. Она ведь носила дорожную и изящную одежду, грубые ботиночки никак не соответствовали ее платью!

– Да почему же? Есть очень дорогая обувь такой модели.

– Но что нам дают отпечатки ее обуви?

– Видите ли, я полагаю, что они дают ключ к разгадке ее настоящей профессии! – ответил сыщик.

– Как так?

– Мне кажется, она выступает на сцене кафешантана в качестве эквилибристки или чего-то в этом роде!

– Пожалуй, это возможно! Подобные артистки всегда носят такие ботиночки! – согласился Мак-Коннел.

– Ну вот! А так как женщина, не имеющая ничего общего со сценой, не станет носить их, то становится ясно, чем занималась преступница в то время, когда она не позировала художнику!

– Совершенно верно! – возбужденно воскликнул инспектор. – Это уже большой шаг вперед в нашем расследовании!

– Джон Мелвилл решительно не подозревал ничего дурного. Он работал над картиной, пока она надевала древнегреческий костюм. А потом эта женщина подкралась сзади и нанесла ему смертельный удар!

– Но все же, по-видимому, в последнее время он кое-что стал замечать в ее поведении, иначе бы не грустил так!

– По всей вероятности, она наговорила ему много неприятного, чем сильно расстроила его. Но об этом мы узнаем подробно, когда она будет сидеть за решеткой!

Мак-Коннел, волнуясь, ходил по комнате.

– Очень печально, что картина пострадала! – проворчал он. – Если б у этой женщины не возникла коварная мысль вырезать изображение лица на холсте, мы наверняка очень скоро смогли бы поймать ее! Вряд ли есть эскизы к картине, ведь художник старательно оберегал натурщицу от посторонних глаз!

Нат Пинкертон, улыбнувшись, сел в кресло и вынул из кармана блокнот с эскизами.

– Однако не забывайте, мистер Мак-Коннел, что черты лица любимой женщины преследуют мужчину всюду! Я уверен, что Джон Мелвилл любил натурщицу и постоянно думал о ней. Таким образом, какие бы женские головки художник не рисовал, он невольно видел натурщицу перед собой.

Нат Пинкертон открыл блокнот – там были наброски больших картин и... несколько эскизов с изображением женских головок.

– Вот, посмотрите, мистер Мак-Коннел, – воскликнул знаменитый сыщик, – все они почти одинаковы, в лицах проглядывают схожие черты! Я готов пойти на какое угодно пари, что это черты лица преступницы! Они наверняка помогут нам опознать убийцу. Вот взгляните сюда: вы видите эскиз с изображением гречанки, приносящей жертву Зевсу! Возможно, что у преступницы такая же высокая прическа. Да и линии выреза на картине подтверждают это. Ясно, что волосы у натурщицы не были распущены. Я полагаю, что мы не ошибемся, если придем к выводу, что этот эскиз сделан с женщины, убившей Джона Мелвилла.

Инспектор пожал плечами:

– Ваше предположение небезосновательно, но все же мне оно представляется довольно шатким!

– Вы можете думать что угодно, мистер Мак-Коннел! А я намерен взять блокнот с собой, чтобы увеличить этот эскиз для розысков! Пожалуй, мистер Мак-Коннел, в ближайшие сутки я приведу преступницу в ваш кабинет!

Убрав блокнот Джона Мелвилла, сыщик распрощался, а инспектор погрузился в глубокое раздумье. Предположения Пинкертона казались ему слишком смелыми, и все же он согласился с ними, поскольку знал, что знаменитый сыщик ошибается очень редко.

Глава III В опасности

Спустя два часа несколько помощников сыщика отправились на розыски артистки, имея при себе копию эскиза с изображением гречанки, поскольку, как считал Пинкертон, это поможет опознать артистку, позировавшую Мелвиллу.

Они разошлись по всему городу. Самых опытных Пинкертон отправил в наиболее опасные места.

Мориссону и Бобу Руланду он поручил обследовать отдаленные авеню Бовери и Китайский квартал. Задача была не из легких. Молодые сыщики оделись в поношенные костюмы и заgrimировались под бродяг, каких немало в Нью-Йорке.

Боб шел по левой стороне Бовери, останавливаясь перед кафешантанами и маленькими театрами. Если на стенах не были вывешены афиши с портретами артистов, он входил в вестибюль и рассматривал их там.

Около половины седьмого Боб оказался у кафешантана, посетителями которого были преимущественно моряки.

Он знал это место, так как бывал здесь по служебным делам.

Над дверью висел красный фонарь с вывеской «Театр Тедерса», а стены здания пестрели афишами с анонсами.

Руланд остановился и стал внимательно рассматривать фотографии. Вдруг он замер, увидев красивую головку с высокой прической, а под ней подпись: «Мисс Элеонора Талланд, гимнастка, работающая на трапеции».

Внешний вид ее показался сыщику знакомым.

Он осторожно вынул из кармана копию эскиза и довольно улыбнулся. Потом прошел в ближайшее телеграфное отделение и отправил Нату Пинкертону телеграмму следующего содержания: «Нашел. Элеонора Талланд. Театр Тедерса. Боб». Начальник был оповещен!

Он вернулся в кафешантан, прошел в бар, небрежно держа сигару во рту.

Зал был пуст. Бармен дремал за стойкой. Боб ударил по столу так, что запрыгали стопки.

– Эй вы там! Что за безобразия! Неужели некому обслужить? И почему нет никого?

– Все придут к началу представления, к восьми часам! Сейчас они сидят в трактире Маклана.

– А по какому случаю?

– Да ничего особенного! Одна из артисток решила угостить своих друзей и завсегдаев театра, вот все и пошли туда! Не знаю, что будет сегодня на сцене, если они там перепьются!

– Что, богатое угощение?

– Еще бы не богатое! Элеонора заявила, что не пожалеет нескольких сот долларов! Вероятно, она нашла зажиточного поклонника, с которого берет деньги оптом! Ее жалованья на такие выходки не хватит!

– Ага, значит, угощает красавица Элеонора! Надо будет заглянуть в трактир Маклана и посмотреть, что там делается! Должно быть, дым стоит коромыслом!

– Идите! Но будьте осторожны, иначе они напоят вас так, что вы не найдете дорогу домой!

Боб вышел на улицу.

Он знал трактир Маклана. Прежде это было приличное место, но в последнее время порядочные люди сюда заходить перестали.

После того как трактир перешел в другие руки, его стали посещать подозрительные личности, с которыми достойная публика не хотела иметь ничего общего.

Трактир находился неподалеку, и через две минуты Боб был уже там. Пока он спускался по длинной лестнице, до него все время доносился оглушительный шум.

Боб открыл дверь и невольно отпрянул назад от резкого запаха дыма и винных паров.

Он оказался в довольно большом зале с низкими потолками. За накрытым посередине столом, уставленным многочисленными бутылками, сидели человек двадцать.

Стоял невообразимый гам, все уже успели перепиться. Большинство представителей обоих полов были одеты довольно прилично, но вели они себя крайне вызывающе, с сознанием превосходства над всеми остальными посетителями трактира.

Были среди них несколько человек в простой одежде, завсегдатаев «Театра Тедерса», – Элеонора Таиланд пригласила на свое торжество и таких.

Она сидела во главе стола. На ней было серое мантио, а под ним виднелось трико для вечернего выступления. Предполагалось, что пиршество продлится до начала представления.

Элеонора обладала своеобразной красотой.

Боб сразу узнал ее благодаря эскизу Джона Мелвилла.

Когда молодой сыщик появился, раздались возмущенные крики:

– Это еще кто? Что ему нужно? Эй, хозяин, откуда взялся этот новичок?

Боб не спеша подошел к бару и спросил хозяина трактира:

– Эй, Маклан, имею ли я право войти сюда и попросить виски?

– Несомненно!

– Отлично! В таком случае, скажи им, чтоб не орали. Ведь я их не трогаю.

Один из завсегдатаев трактира, Сэм Баркер, здоровенный малый, подбежал к нему и заревел:

– Что такое? Ты хочешь, чтоб мы молчали? Прикуси свой язык, а не то...

Он замахнулся рукой, но Боб с поразительной ловкостью ударил его кулаком в подбородок так, что Сэм упал, опрокинув при этом несколько стульев.

Воцарилась мертвая тишина...

Но Сэм Баркер был настолько сильным, что смог подняться и вынуть нож. Причем проделал он все это с диким ревом.

– Отдай нож! – крикнул Боб и, подскочив к своему противнику, быстрым движением выхватил оружие.

Увидев, что Сэм собирается вновь вступить в драку, Боб спокойно произнес:

– Советую тебе сесть на место и вести себя тихо, иначе я серьезно проучу тебя!

Молодой сыщик подошел к стойке и выпил виски. Сэм Баркер так испугался, что всю его агрессивность как рукой сняло.

Элеонора, сверкая глазами, следила за происходящим. Когда драка кончилась, она позвала Боба:

– Подойдите сюда, молодой человек! Будьте моим гостем! Вы молодец! Повеселитесь же с нами!

Будь на месте Боба Нат Пинкертон, он бы непременно заподозрил Элеонору в хитрости и стал ждать проявления какого-нибудь коварства с ее стороны. Нат Пинкертон, согласившись сесть за стол, был бы начеку. А Боб, приняв приглашение, забыл об осторожности. Ему хотелось услышать о себе приятное, и потому он быстро сел рядом с Элеонорой.

Она похлопала его по плечу и сказала:

– Вот такие, как ты, мне нравятся! Можешь пойти со мной в театр, денег за билет с тебя не возьмут.

– Весьма рад, – ответил Боб, сделав вид, что влюбился в артистку, – мне очень повезло!

– На, пей! Я хочу оказать тебе честь, которой сегодня не удостоился никто! Пей из моей стопки!

Присутствующие еще не пришли в себя после недавней драки. Некоторые, приняв сторону пострадавшего, по-видимому, настроились наказать Боба за его дерзость. А тут еще Эле-

онора так явно стала оказывать ему знаки внимания, что еще больше настроила многих против Боба.

Раздался гул недовольства, но так как пирушка оплачивалась Элеонорой, то смельчаков начинать с ней ссору не оказалось.

Но когда Боб взял из ее рук стопку, Сэм Баркер опять вскочил.

– Не смей, – заревел он, вне себя от ярости, – я убью тебя, если ты будешь пить из ее стопки!

Элеонора властно крикнула:

– Сиди смиренно, Сэм Баркер! Мой новый друг будет пить из моей стопки, и никто не посмеет помешать ему.

А Боб тоже заявил:

– Да, я буду пить из стопки Элеоноры! Пусть попробует кто-нибудь помешать мне в этом!

Баркер дико заревел, когда Боб опрокинул стопку. Он отодвинул стул и хотел броситься на него, но тут произошло неожиданное. Боб стал падать, теряя сознание, однако он успел сообразить, что попался в ловушку и что артистка чем-то отравила его.

Глухо застонав, он упал, лишившись чувств. Элеонора громко расхохоталась и крикнула Баркеру:

– Теперь ты доволен?

Сэм Баркер подошел к Бобу, пнул его ногой и спросил:

– Что с ним, он умер?

– Нет, – сказала Элеонора, – только лишился чувств! Наблюдая за ним, я почти сразу поняла, что он сыщик, а этих проныр я терпеть не могу! Вот почему я дала ему этот напиток! Теперь он беспомощен и находится в моей власти, и я его так просто не выпущу!

Послышался общий гул одобрения. Никто из присутствующих не мог похвастаться чистой совестью и благородством, поэтому шутка, сыгранная Элеонорой, всем чрезвычайно понравилась.

– Действительно ли он сыщик? – спросил кто-то.

– Выверни его карманы! – приказала Элеонора Сэму Баркеру.

Тот опустился на колени и стал вытаскивать все, что было в них. Под торжествующие вопли всей компании он достал два револьвера, карманный фонарик, связку отмычек, хорошо отточенный ножичек, наручники и другие предметы, являющиеся обычной принадлежностью сыщиков.

Иного уже не требовалось, чтобы понять, кто такой Боб.

Вдруг Сэм Баркер неожиданно вытащил из кармана сыщика какой-то снимок. Элеонора быстро взяла его и вздрогнула, узнав на нем себя.

Не было никаких сомнений, что сыщик разыскивал именно ее. На лице Элеоноры появилось жестокое выражение, глаза засверкали, она сжала кулаки и что-то прошипела сквозь зубы.

– Что с ним делать дальше? – раздался вопрос.

– Я вынесу его отсюда, – отозвался Сэм Баркер, – оставлю на каком-нибудь пустыре, пусть там и приходит в себя. Вряд ли он вспомнит, что с ним произошло, а если и вспомнит, то ничего не сможет сделать, так как не найдет ни одного свидетеля.

Почти все одобрили этот план, никто не хотел, чтобы Бобу нанесли более серьезный вред. Но тут заговорила Элеонора:

– Нет, я требую другого! Вы должны его связать и вставить кляп, потом засунуть в мешок в таком положении, чтобы никто не смог догадаться, что в этом мешке, и отнести его в мою уборную. Я с ним хочу серьезно поговорить и свести счеты, как только он придет в себя.

– Это, пожалуй, приведет к неприятностям, – возразил кто-то.

– Глупости! Если вы не выдадите меня, никто об этом не узнает.

– Конечно, не выдадим!

– Ну так вот, за работу! Я получу огромное удовольствие от беседы с этим пронырой. Тот, кто мне поможет, получит пять долларов.

Все бросились к Бобу. За пять минут молодого сыщика связали, заткнули ему рот большим платком, а потом завернули его в толстую парусину и обмотали веревками. Получился большой бесформенный куль.

Двое подняли его и потащили, и когда они шли по улице, никто из прохожих не догадывался, что находится в этом большом куле.

В «Театре Тедерса» его бросили на пол в уборной Элеоноры, находившейся за сценой.

Каждый из участников пирушки дал ей твердое обещание никому не рассказывать о происшествии в трактире, после чего преступница осталась наедине с сыщиком.

Глава IV

Прерванное представление

Нат Пинкертон целый день провел в поисках женщины, изображенной на эскизах художника. Он вернулся домой около восьми вечера и нашел телеграмму Боба.

Нат Пинкертон, конечно, немедленно отправился в «Театр Тедерса» – в костюме матроса, поскольку знал, что там бывают моряки.

Рассмотрев у входных дверей афиши, Пинкертон увидел снимок артистки Элеоноры Талланд и убедился в ее сходстве с натурщицей.

Немного покачиваясь, развалистой походкой, он вначале прошел в помещение, где находился бар.

У стойки он увидел двух артистов, уже хвативших через край.

Нат Пинкертон потребовал виски и, потягивая его с безразличным видом, стал внимательно слушать, что они говорят.

Один из артистов, атлет, работавший с тяжелыми гирями, сказал:

– Я многое отдал бы, если б мог посмотреть, что Элеонора с ним сделает!

– Это может стоить тебе весьма дорого, – ответил другой, – она начеку. Раньше окончания представления она вряд ли предпримет что-либо. Я уверен, что она не будет с ним церемониться.

– Этот легавый должен получить по заслугам! – ответил атлет.

Артисты говорили шепотом, но Нат Пинкертон слышал каждое слово и делал соответствующие выводы.

Он был уверен, что Боб не преминул бы дать о себе знать, если б имел такую возможность. Вероятно, с ним случилось что-то серьезное, если он этого не сделал.

Однако о том, где может находиться Боб, безусловно, попавший в сети артистки-преступницы, Пинкертон мог только догадываться.

Он решил пробраться за кулисы и разыскать Элеонору Талланд. Пинкертон понял из разговора артистов, что Элеонора не собиралась расправляться со своим пленником во время представления, она решила это сделать позже, а значит, Боб где-то здесь.

Пройти за кулисы было нелегко, поскольку посторонним лицам вход туда был, безусловно, воспрещен.

Сцена театра была небольшой, поэтому пробраться через нее так, чтобы никто из артистов и рабочих не заметил, было довольно трудно.

Нат Пинкертон, заранее все хорошо продумав, принял необходимые меры предосторожности. Прежде чем войти в здание театра, он попросил своего помощника Мориссона незаметно встать у дверей. Кроме того, на улице находились полицейские, которые, по установленному сигналу, должны были прийти сыщику на помощь.

Мориссон появился в театре чуть раньше Ната Пинкертона.

Зал был полон, ни единого свободного места. Уже прошли первые номера представления, когда Нат Пинкертон стал медленно продвигаться между столиками к сцене. Добравшись до окна, открытого для проветривания зала от табачного дыма, он остановился.

Правее занавеса сыщик увидел дверь, к которой вела лестница в несколько ступенек. Пинкертон понял, что здесь он не сможет незаметно пройти за кулисы, поскольку рядом с дверью стоял пожарный, а напротив окна за столиком сидели несколько моряков.

Сыщик внимательно посмотрел на открытое окно и решил, воспользовавшись им, незаметно исчезнуть из зала, а потом через другое окно пробраться за кулисы.

Нат Пинкертон сел на подоконник и выглянул наружу. Он находился около одной из деревянных колонн, поддерживающих галерею. Зал во время представления едва освещался, и никто не заметил сидевшего на подоконнике матроса.

Сыщик осторожно распахнул пошире окно и незаметно вылез, оказавшись в каком-то маленьком дворике.

Он огляделся и не обнаружил ворот. Видимо, это было всего лишь пространство между строениями. В траве валялись битые стекла, пустые жестянки и прочий мусор, выброшенный из окон. Нат Пинкертон посмотрел на здание театра. Там, где находилась сцена, из небольших окон струился свет.

Нат Пинкертон решил вскарабкаться к ним.

Здесь его никто не мог заметить.

Он прикрепил к ногам железные шипы, а поскольку кирпичная стена была ветхой и рыхлой, взобраться по ней не составляло труда, и вскоре он был у цели.

Таким образом он добрался до нижних окон на высоте пяти метров. Заглянув в одно из них, сыщик увидел закулисное помещение, в котором находились люди. Чтобы его не заметили, он быстро отпрянул от окна.

Стало быть, здесь нельзя пробраться за кулисы. Нат Пинкертон тихо продвинулся к другому окну, расположенному несколько правее и чуть выше.

Работа была не из легких: хотя ногами сыщик упирался крепко, но руками не за что было уцепиться, и он чуть не сорвался.

Наконец Нат Пинкертон достиг другого окна, которое было распахнуто, заглянул в него и едва не вскрикнул.

Он увидел артистку Элеонору Талланд. Эта красавица стояла посередине своей уборной в одном трико, предназначенном для сцены, и со злорадной улыбкой смотрела на лежавший в углу большой куль, из которого торчала голова Боба Руланда.

Нат Пинкертон застыл в недоумении, но быстро опомнившись, стал наблюдать за происходящим в уборной Элеоноры.

Артистке и в голову не могло прийти, что за окном кто-то есть. Элеонора приблизилась к Бобу и вынула кляп.

– Ну что, – спросила она, – пришли в себя?

– Как видите, – ответил Боб.

Глаза его бегали по сторонам, поэтому он быстро заметил, Пинкертона, старательно подававшего ему знаки. Увидев своего начальника, Боб расхохотался и сказал:

– Что за глупые шутки, мисс Талланд? С какой целью вы меня так крепко связали и превратили в куль? Может быть, решили сыграть со мной какой-нибудь номер на сцене?

Она сверкнула глазами и спросила:

– Вы сыщик?

– Да! Ну и что?

– И вы преследуете меня?

– Почему вы задаете такие вопросы? Разве за вами нет никакой вины?

– Я нашла у вас копию эскиза с изображением женщины, похожей на меня.

– И поэтому вы решили, что я вас преследую? Преклоняюсь перед вашей необыкновенной догадливостью, мисс Таиланд!

Элеонора побледнела и воскликнула:

– Я с вами не намерена шутить! Если вы думаете, что вам удастся улизнуть, то вы сильно ошибаетесь.

– Я не только думаю так, но твердо убежден в этом! – ответил Боб.

– Вы, наверное, считаете, что у меня не хватит смелости уничтожить своего врага? Ошибаетесь!

Боб презрительно улыбнулся.

– Будьте добры, объясните, как вы уколоете меня? – спросил он.

– Очень просто. На вашу шею я надену петлю и буду ее затягивать, пока вы не задохнетесь. Потом куль, в котором вы находитесь, уберут отсюда и бросят в реку, привязав к нему тяжелый груз.

– Недурно! – отозвался Боб. – Но только вам не удастся это сделать.

– Впрочем, интересно узнать, почему вы не хотите использовать ваше привычное оружие – кинжал? Ведь несчастного художника Джона Мелвилла вы убили именно им!

Она стала бледной, как полотно, но быстро взяла себя в руки, бросилась к Бобу и начала трясти его.

– С чего вы взяли? Как вы смеете утверждать это! – закричала она.

– Я знаю это точно! – ответил он. – Вы, между прочим, совершили очень жестокое убийство. Какая подлость – подкрасться к художнику сзади, когда он творит, и вонзить в его спину кинжал.

– Молчать! – крикнула она, вне себя от ярости. – Теперь я тем более с вами должна покончить! И никто не сможет помешать этому! Через несколько минут мой выход на сцену, но когда я вернусь, настанет ваш смертный час! Приготовьтесь к этому!

– Хорошо, – безразлично ответил молодой сыщик, – но разрешите вас спросить, Элеонора, не случилось ли вам когда-нибудь ошибаться в своих расчетах? Ни разу? Смее заверить вас, что теперь вы ошибаетесь.

Она недоуменно посмотрела на него, а потом расхохоталась:

– Вы, видимо, решили запугать меня, но это вам не удастся сделать! Я не дам вам ни малейшей возможности уйти отсюда. Меня трудно запугать, сколько бы вы ни угрожали.

– Но все же сознайтесь, что вы убили молодого художника!

Она помолчала немного, потом лицо ее исказилось, и она, злорадно улыбаясь, сказала:

– Да, да! Я его убила. Пронзила кинжалом! И нисколько не жалею об этом! Но вы единственный человек, которому я призналась в этом, и скоро умолкнете навсегда, и никто не узнает, что я убила его!

– Вы сущий дьявол! – воскликнул Боб. – А куда вы спрятали вырезанный вами кусок холста с изображением лица женщины, похожей на вас?

Элеонора показала на свои ботиночки – они были без каблука, на резиновой подошве, – потом прибавила:

– Этот кусочек холста я сожгу сегодня же ночью!

В этот момент раздался резкий звонок, вызывавший артистку на сцену. Элеонора прошла к двери и сказала:

– Я, выполнив свой номер, вернусь и покончу с вами!

Она вышла, и тут же из окна появился Нат Пинкертон.

– Милости просим, – смеясь, проговорил Боб, – вот будет штука! Я с нетерпением жду развязки.

– Я слышал весь ваш разговор, – произнес Нат Пинкертон и начал развязывать веревки, которыми был опутан его помощник.

– Они завернули меня в какую-то тряпку, – смеялся Боб, – вероятно, чтобы мне было тепло.

Затем он быстро рассказал, что с ним произошло. Развязав Боба, Пинкертон дал ему револьвер и сказал:

– А теперь мы им устроим такое представление, какого они никогда еще не видели! Пойдем!

Нат Пинкертон тихо открыл дверь, и они спустились по деревянной лестнице.

Поскольку было довольно темно, им удалось незаметно проникнуть за кулисы.

Элеонора Талланд исполняла свой коронный номер на трапеции, которая находилась под самым потолком. Время от времени раздавались шумные аплодисменты: у актрисы было много поклонников.

Закончив свой самый сложный номер, Элеонора сидела на трапеции, и, благодарно кивая головой, посылала зрителям воздушные поцелуи. Затем она схватилась за веревку, висевшую рядом с трапецией, и стала спускаться вниз.

Вдруг за кулисами раздался пронзительный свист, за ним последовал другой – уже из бара.

Элеонора Талланд, спустившись наполовину, испуганно вздрогнула и невольно замерла. Но потом быстро соскользнула вниз.

Как только она коснулась пола, на сцене появились Нат Пинкертон и Боб Руланд.

С револьверами в руках они подошли к артистке. Аплодисменты прекратились, а когда раздался полицейский свисток, зрители пришли в изумление.

– Элеонора Таиланд! – громко произнес Нат Пинкертон. – Именем закона вы арестованы!

Она посмотрела на сыщика, потом на Боба и упала без чувств. Среди публики поднялась суматоха, несколько мужчин с револьверами бросились на помощь артистке.

Но полицейский свисток был услышан Мориссоном, находившимся возле театра, и возымел свое действие.

В зале появились полицейские. Элеонора Таиланд, немного придя в себя, хотела бежать, но у нее не хватило сил, и она, пошатнувшись, снова упала. Нат Пинкертон подхватил ее, а Боб побежал в уборную и принес ей пальто и шляпу.

Элеонору под конвоем вывели из зала, и через некоторое время она уже сидела в камере следственной тюрьмы.

В ее ботиночке был обнаружен кусок холста, вырезанный из картины Джона Мелвилла. Кроме того, у нее был найден ключ от мастерской художника.

Элеонора Таиланд была вынуждена сознаться во всем. Действительно, она разыгрывала перед Джоном Мелвиллом бедную, покинутую мужем женщину.

Художник страстно любил ее, и чувство это не угасло даже тогда, когда он понял, что она обманывает его. Джон Мелвилл ничего от нее не скрывал, и Элеонора знала, что он выгодно продал несколько картин и вырученные за них деньги находятся в мастерской.

Эта доверчивость и погубила бедного художника.

Суд приговорил преступницу к смертной казни, и она закончила свою жизнь на электрическом стуле.

Роковая поездка на санях

Глава I Ужасная находка

В один из зимних дней 1900 года из маленького городка Ньюбург, расположенного приблизительно в ста верстах к северу от Нью-Йорка, выехал красивый автомобиль, в котором сидели трое мужчин. Он то поднимался, то спускался по холмам правого берега Гудзона, направляясь на юг. В автомобиле оживленно беседовали знаменитый нью-йоркский сыщик Нат Пинкертон, его помощник Боб Руланд и известный полицейский инспектор Мак-Коннел.

Они попали в Ньюбург, преследуя преступника, и им удалось задержать беглеца.

Сидя в автомобиле, они обсуждали это дело, одновременно любуясь зимним пейзажем. Со всех сторон возвышались величавые, покрытые снегом горы; деревья сверкали, словно были усыпаны мельчайшими кристалликами; и зрелище это было достойно кисти художника.

Автомобиль в очередной раз поднялся в гору, и путники увидели справа глубокий обрыв. Вдоль него тянулась деревянная ограда.

Вдруг Нат Пинкертон крикнул, оборвав фразу на полуслове:

– Стой!

Шофер обернулся и спросил изумленно:

– Остановить автомобиль?

– Ну да, остановите!

Автомобиль замер, и Нат Пинкертон указал рукой. Метрах в десяти ограда была проломлена, а на снегу виднелись следы.

– Мне кажется, – сказал Пинкертон, – что произошло какое-то несчастье!

Все вышли из автомобиля и направились к указанному месту. Пинкертон подошел к краю обрыва и взглянул вниз. Но дна не было видно, так как мешал скалистый выступ в отвесной стене обрыва. Осмотрев следы на снегу, Пинкертон решительно заявил:

– Мы должны обязательно спуститься вниз! По-видимому, туда упали сани. Пассажиры, быть может, еще живы, но погибнут, если мы не окажем им помощи! Надо отыскать наиболее удобное место для спуска!

Мак-Коннел и Боб молча последовали за сыщиком. Они знали, что он никогда не отказывается от своих намерений.

Пинкертон шел вдоль обрыва до тех пор, пока не обнаружил место, где стена была не слишком отвесна и где было много щелей и выступов. Не говоря ни слова, он перелез через ограду и начал осторожно спускаться.

Посмотрев через некоторое время вниз, он обратился к Мак-Коннелу и своему помощнику, следовавшим за ним:

– Я прав! Произошло ужасное несчастье!

Вскоре он и его спутники спустились в пропасть. Им представилось страшное зрелище.

С высоты обрыва, пролетев приблизительно двадцать пять метров, упали сани, запряженные парой вороных лошадей. Сани разбились вдребезги, а лошади погибли, переломив спины.

Санями были придавлены мужчина лет двадцати пяти, в дорогой шубе, и изящная белокурая дама с очень красивыми чертами лица.

– Она еще жива, – воскликнул Боб, наклонясь к ней. – Губы полуоткрыты, она еще дышит!

Пинкертон взял руку молодой женщины, чтобы пощупать пульс.

– Да, она жива! – подтвердил он. – Попытайся-ка, Боб, привести ее в чувство! Быть может, она нам сообщит, каким образом произошло несчастье!

Боб достал маленькую карманную аптечку, которую постоянно носил с собой, опустился на колени рядом с молодой женщиной и влил ей в рот несколько капель из крошечного флакончика. Результат не заставил себя долго ждать: она сделала глубокий вдох и стала дышать равномернее.

Пинкертон тем временем подошел к телу мужчины, левая рука которого судорожно сжимала вожжи. Сыщик поискал бумажник в кармане погибшего, но ничего не нашел. Дорогие, усыпанные бриллиантами часы на тяжелой золотой цепочке были украшены инициалами «Г. Т.»

На кошельке стояли те же буквы. В нем оказалось золота и ассигнаций более чем на триста долларов. На руках пострадавшего красовалось несколько дорогих бриллиантовых колец. Пинкертон с большим трудом снял их, в надежде увидеть какие-нибудь выгравированные надписи. На них ничего не было. Однако на белье мужчины стояли те же инициалы: «Г. Т.»

Сыщик внимательно поглядел ему в лицо, а затем стал осматривать отвесную скалу, с которой сорвались сани. Чем больше он смотрел, тем сосредоточеннее становилось выражение его лица. Он вынул подозрительную трубу и снова начал внимательно осматривать скалу, Мак-Коннел недоумевал.

Пинкертон положил трубу в карман и произнес:

– Здесь совершено преступление! Лошади были направлены на край обрыва! Молодая чета стала жертвой негодяев! Но я постараюсь найти злодеев!

– Почему вы решили, что произошло преступление? – недоверчиво спросил Мак-Коннел. – Ведь можно предположить, что лошади испугались чего-то, понесли и сорвались вниз?

– Нет, – решительно заявил Пинкертон, – еще наверху я заметил нечто такое, что показало мне подозрительным!

– Дама приходит в себя! – вдруг крикнул Боб. Пинкертон тотчас подошел к ней, опустился на колени и наклонился к ее уху.

Она открыла глаза и в полузабытьи стала смотреть куда-то вдаль.

– Вы слышите меня? – спросил Пинкертон. Она едва прошептала в ответ:

– Слышу!

– Знаете ли вы, где находитесь?

Она ответила не сразу, пытаясь, по-видимому, что-то припомнить. Вдруг на лице ее появилось выражение ужаса, и она, широко открыв глаза, посмотрела на обрыв.

– Вы упали в санях? – спросил Пинкертон. – Да!

– Каким образом? Расскажите, как было дело!

– Не знаю, – прошептала она. – Кто-то выстрелил, лошади шарахнулись в сторону, я поняла, что грозит опасность... потом... мы сорвались!

– Может быть, вы успели увидеть кого-нибудь?

– Нет!

– Но вы слышали выстрел?

– Да, слышала!

– Как ваше имя?

– Лиза Гриндал!

– А вашего спутника?

– Генри Тарнтон!

– Откуда вы родом?

– Я из Ньюбурга, он из Вест-Пойнта!

– Он ваш жених?

– Да!

– Подозреваете ли вы кого-нибудь? Были ли у вас или у него враги, способные покуситься на вашу жизнь?

– Нет, врагов у нас не было! Генри такой хороший человек! Кто же мог его ненавидеть? Она снова лишилась чувств. Пинкертон обратился к Мак-Коннеллу:

– Вот и подтвердилось мое предположение, что совершено преступление! Какой-то негодяй напугал лошадей, выстрелив рядом с ними, они шарахнулись в сторону, сбили ограду и вместе с санями полетели в пропасть! Вполне понятно, что молодая женщина не видела негодяя, совершившего это злодеяние!

– Но что со скалой? – спросил Мак-Коннелл. – Почему вы так внимательно разглядывали ее?

– У меня есть на это серьезные основания, и я осмотрю ее еще раз более тщательно! Ты немедленно поднимись наверх! – обратился он к Бобу. – До Вест-Пойнта недалеко! Вызови оттуда полицейского врача и наведи справки о семье мистера Тарнтон, которого мы нашли мертвым! Его близким тактично сообщи о случившемся, а потом во что бы то ни стало достань мне веревочную лестницу.

– Будет сделано!

– Не забудь поставить в известность полицию!

Боб вскарабкался вверх по обрыву, и спустя несколько минут раздался шум его автомобиля, мчавшегося в Вест-Пойнт.

Нат Пинкертон с Мак-Коннеллом остались внизу. Сыщик не сказал ему, что именно он увидел на обрыве, хотя инспектор сгорал от нетерпения. Как Мак-Коннелл ни разглядывал скалу, ничего особенного он там не заметил...

Глава II

Важные наблюдения

Нат Пинкертон тщательно обыскал сани, потом проверил карманы мисс Гриндал, но нигде не обнаружил ничего такого, что могло бы как-то объяснить случившееся.

Ничего не оставалось, как только ждать возвращения Боба.

Через два часа снова послышался шум автомобиля. Пинкертон с любопытством взглянул наверх, откуда должны были появиться вновь прибывшие.

Он увидел Боба, который помогал спуститься вниз почтенному седобородому старику. За ними следовали еще один пожилой человек, вероятно полицейский врач, и полисмен в форме. Вскоре все были около саней.

Старик с громким стоном упал на колени возле погибшего мужчины.

– Сын мой! Дорогой мой сын! – воскликнул он и залился горькими слезами.

Пинкертон посмотрел на старика, но не стал его беспокоить. Затем он взял у Боба веревочную лестницу. Полицейский врач занялся молодой девушкой. Осмотрев ее, он сказал Мак-Коннеллу, что, по его мнению, несчастной осталось жить всего несколько минут.

Он оказался прав. Лиза Гриндал, не приходя в сознание, скончалась через четверть часа.

Тем временем Пинкертон выслушал донесение своего помощника.

– Вот этот старик, – сообщил Боб, – отец погибшего, мистер Тарнтон. Он владеет большим пороховым заводом в Вест-Пойнте и поставляет товар местной военной академии. Жена его умерла полгода тому назад, и, по его словам, кроме этого сына у него есть еще два: один учится в Филадельфии, другой путешествует по Европе. Он был вне себя от горя, когда я сообщил ему о происшедшем, и сразу поспешил сюда. По дороге он то и дело бормотал: «Несчастный мой сын! Сколько раз я предостерегал его от этой связи!»

Стоявший тут же Мак-Коннелл воскликнул:

– Я сразу подумал, что все дело в этой девушке! По всей вероятности, разыгралась драма ревности, и убийца – какой-нибудь неудачливый поклонник!

– Трудно принять подобное предположение, – возразил Нат Пинкертон, пожимая плечами. – Если бы дело обстояло так, как вы полагаете, то она иначе бы ответила на мой вопрос о врагах!

В этот момент старик Тарнтон поднялся. Он несколько оправился от шока.

– Вы мистер Пинкертон? – спросил он, обращаясь к сыщику. Тот молча поклонился.

Старик подал ему руку и сказал:

– Мне повезло, что именно вы проезжали здесь и обнаружили сани! Мистер Руланд сообщил мне, что, по вашему мнению, здесь совершено преступление. Я согласен с этим предположением: мои лошади десятки раз ездили по этой дороге и знали ее превосходно, так что я отвергаю возможность несчастного случая!

– Сани и лошади принадлежали вам?

– Да, мой сын часто ими пользовался для своих поездок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.